

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

**МИНИСТЕРСТВО КУЛЬТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
АРМАВИРСКИЙ КРАЕВЕДЧЕСКИЙ МУЗЕЙ**

**АДМИНИСТРАЦИЯ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ
УПРАВЛЕНИЕ ПО ОХРАНЕ, РЕСТАВРАЦИИ И ЭКСПЛУАТАЦИИ
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ (НАСЛЕДИЯ)
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ**

ООО «КУБАНЬОХРАНКУЛЬТУРА»

ООО «ЦЕНТР ПРАКТИЧЕСКОЙ АРХЕОЛОГИИ»

ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

14

**АРМАВИР – КРАСНОДАР – МОСКВА
2018**

ББК 63.4(2Р37)+63.(2Р37)
И90

**Утверждено к печати Ученым советом
Института археологии РАН**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Р.М. МУНЧАЕВ (отв. редактор),
С.Б. ВАЛЬЧАК, А.В. ПЬЯНКОВ (отв. секретари),
А.Н. ГЕЙ, Н.И. ГУЛЬЧЕНКО, Г.Г. ДАВЫДЕНКО,
Р.В. ЗАСУХИН, А.П. ЛОПАТИН, С.Н. МАЛАХОВ,
О.Н. МЕЛЬНИКОВА, С.В. ОЛЬХОВСКИЙ.

РЕЦЕНЗЕНТЫ:

к.и.н. С. В. Демиденко,
к.и.н. У. Ю. Кочкаров

Историко-археологический альманах.

Вып. 14 — Армавир, Краснодар, Москва, 2018 — 220 с.

В альманахе публикуются статьи по археологии, истории, этнологии и музееведению, тематика которых связана с разработкой актуальных проблем древней, средневековой, новой и новейшей истории юга России и Восточной Европы.

Для археологов, историков, музейных работников, искусствоведов, преподавателей и студентов вузов, а также всех, кто интересуется историей народов юга Восточной Европы и Кавказа.

ISBN 978-5-902830-53-5 (ИП Н. Н. Вольная)

© Федеральное государственное бюджетное
учреждение науки Институт археологии РАН, 2018 г.

© МУК Армавирский краеведческий музей, 2018 г.

А.А. КРАСНОПЕРОВ, Ю.А. МЕНЬШИКОВА, Е.М. ЧЕРНЫХ

ОБ ОДНОМ РЕДКОМ ТИПЕ ГОЛОВНЫХ УБОРОВ ДРЕВНЕГО НАСЕЛЕНИЯ ПРИКАМЬЯ

В реконструкции археологического костюма головному убору всегда отводится особое место, и это нашло отражение в многочисленных специальных исследованиях (Мастыкова А.В., 2009; Яценко С.А., 1986; Жилина Н.В., 2003, 2010; Сабурова М.А., 1974, 1975, 1978; Степанова Ю.В., 2010). Головные уборы из Прикамья рубежа новой эры — первой половины I тысячелетия предметно рассматривались в работах Т.И. Останиной (1997), Н.И. Шутовой (1999, с.210–231), А.А. Красноперова (2005, с.77–92). При всем разнообразии подходов и оценок они, тем не менее, обнаруживают определенное единство в определении типов женского головного убора, представленного лентами-повязками, мягкими шапочками и высокими уборами с плоским верхом (Останина Т.И., 1997, рис.68–69, 72–74; Красноперов А.А., 2006д, с.57–88). Большинство из этих уборов (лента, шапочка) распространены повсеместно, у всех народов; высокие уборы имеют специфический внешний вид и обладают рядом отличительных особенностей, позволяющих, пусть и предположительно, проследить их истоки и преемственность. Знакомство с этнографической литературой позволяет выделить в них 2 самостоятельные группы: полностью твердых, с целиком жестким каркасом, и полутвердых, сочетающих твердые и мягкие детали. Для поволжского региона характерны головные уборы в виде конуса или цилиндра, свернутого из бересты (в виде исключения — из кожи), покрытого тканью и украшенного. Нижний край прямой, без дополнительных деталей. Сзади к верху убора крепится плат, спускающийся на спину. С ними зачастую сопоставляются высокие головные уборы на твердой основе у народов Средней Азии. Внешний вид этой группы уборов различается (высокие конусовидные, шлемообразные), общие черты проявляются в материа-

ле изготовления и крое: войлочная основа с простежкой, покрытие красного цвета, металлические украшения со вставками камней; обязательные детали — ушные и затылочные лопасти и длинная полоса ткани, спускающаяся на спину. Термины восходят к иранскому кулах. Название убора и крой с определенностью указывают на его происхождение, уходящее корнями в культуру ираноязычных народов раннего железного века (Амударьинский клад, рельефы Персеполя, курган Иссык). Итого мы имеем две внешне похожие, но значительно отличающиеся традиции: головной убор из войлока с наушниками и назатыльником и головной убор на основе растительного происхождения с прямым нижним краем. Надо лишь добавить, что войлок — характерная черта кочевого быта, а береза так далеко на юг не растет.

Достаточно уверенно реконструируются уборы из курганов Причерноморья (Мирошина Т.В., 1981, рис.3; Бабенко Л.И., 1999, рис.2) — *калафы* и *тиары*. Но это греко-скифские уборы, сочетающие обе традиции, греческую и кочевую, их отличает сплошной назатыльник. По своей форме очень близок скифским тиарам высокий головной убор, зафиксированный на Кипчаковском могильнике в Башкирии (см. ниже). Вероятно, эта группа археологических находок отмечает определенный этап развития высоких головных уборов и исходный культурный ареал их дальнейшего распространения.

Позднепьяноборский/мазунинский головной убор (III в. — нач. V в.) отличается от более раннего, первых веков нашей эры, насыщенностью и полнотой органических и металлических деталей, что позволяет с большей убедительностью интерпретировать его внешний вид. Но проблема остается. В ходе исследования могильников мазунинского типа в Удмуртском Прикамье

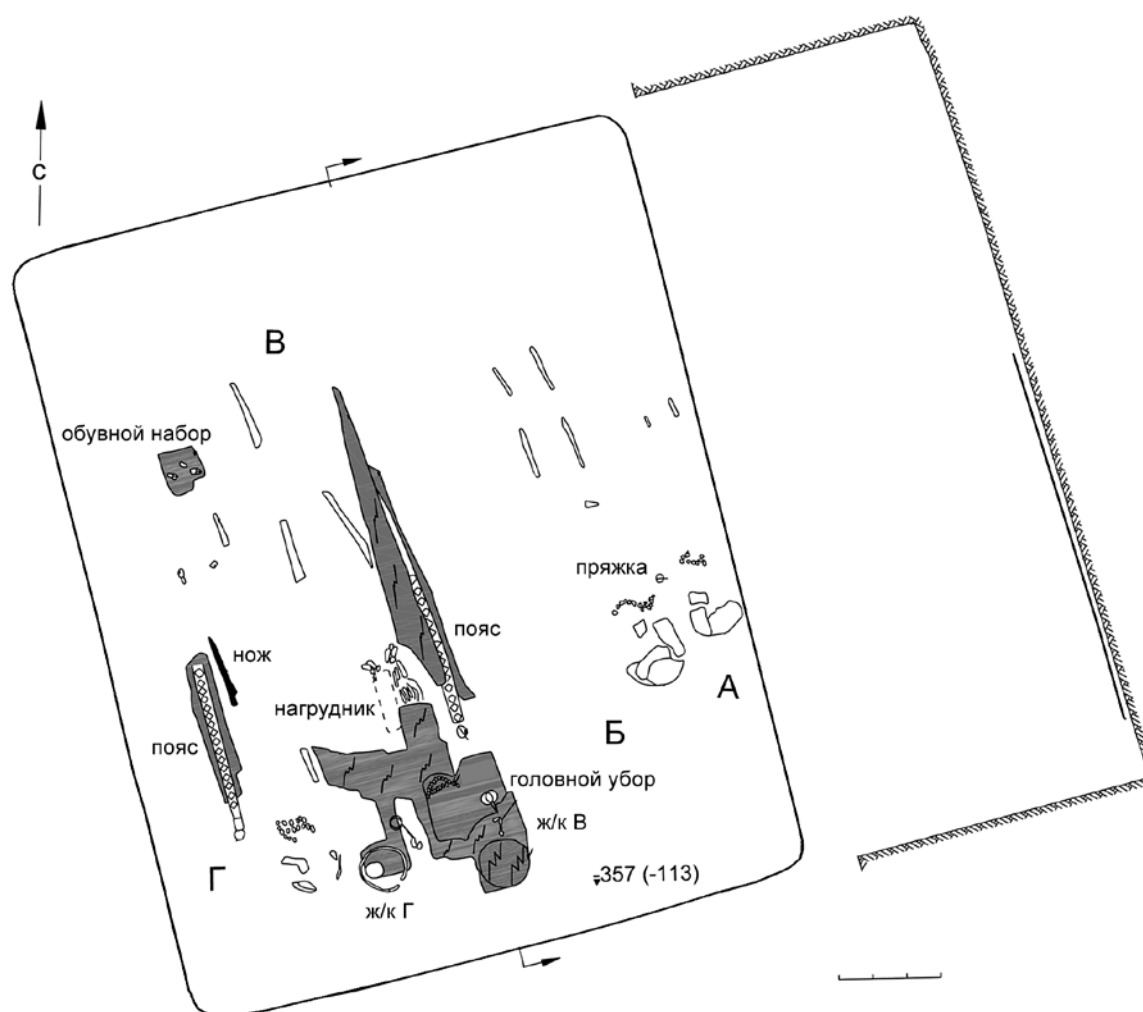

Рис. 1. Дубровский могильник. План погребения 98

в последние годы получены новые серии головных уборов, позволяющие наполнить наши представления дополнительной конкретикой. В этом ряду особый интерес представляют остатки головных уборов из женских погребений Дубровского могильника IV–V вв. н.э. (по Е.М.Черных).

Новый памятник исследуется Камско-Вятской археологической экспедицией Удмуртского госуниверситета с 2009 года (Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А., 2010; Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е., 2013, с.245–246; Черных Е.М., 2014, с.437–439; Бернц В.А., Черных Е.М., Перевозчикова С.А., 2015, с.455–457). Расположен некрополь в Киясовском районе УР, на левом берегу р. Шехостанки, недалеко от ее впадения в р. Кырыкмас (приток второго порядка р. Камы). На погребальном поле исследовано 176 могил (данные на начало 2016 г.)

с типичными признаками, присущими мазунинскому погребальному обряду (Генинг В.Ф., 1967, с.9–18, 23–32; Останина Т.И., 1997, с.31). Из них останки 34 погребенных по антропологическим признакам определены как женские¹. В 10 случаях на черепных костях захороненных сохранились остатки многослойных головных уборов (фрагменты текстиля, меха и других органических материалов, дополненные украшениями из металла и стекла). Данной публикацией авторы хотели бы привлечь внимание к отдельному убору, заметно отличавшемуся от прочих как по форме, так и по конструктивным особенностям. Предварительно по формальным признакам он был отнесен к высоким головным уборам на твердой основе, с плоским верхом, наличие которых в захоронениях пьяноборской эпохи в Прикамье подтверждается пока крайне малым числом находок: в диссертации А.А. Красноперова

А

Б

Рис. 2. Дубровский могильник. Погребение 98В (деталь), полевая фотография (описание см. в тексте)

для периода II в. до н.э. — II в. н.э. учтены три подобных убора, происходящих из погребений № 15 Кипчаковского, № 6 Меллятамакского I и № 232 Тарасовского могильников (Красноперов А.А., 2006, с.90–91); уточнения см. далее.

Новая находка головного убора с плоским верхом обнаружена в погребении 98 Дубровского могильника. Это была крупная (для данного некрополя) погребальная камера, прямоугольной формы, размерами 230x185 см, с вертикальными стенками и плоским дном; глубина ямы от уровня фиксации составила 113 см (рис.1). В южной половине могилы зафиксированы фрагменты деревянной погребальной конструкции (крышки гроба?) размерами 55x60 см и 95x30 см. Под ними находились останки молодой (не старше 20 лет) женщины — костяк В. Рядом с захороненной женщиной, справа и слева, расчищены еще три детских костяка (от 7 до 14 лет) плохой сохранности. От них сохранились лишь кости черепов и частично трубчатых костей рук и ног. Судя по взаиморасположению костей, все умершие были уложены рядом, вытянуто на спине, головами на ЮЮВ.

Детским костякам А и Б принадлежала, по-видимому, только небольшая железная овально-рамчатая пряжка.

Умершего Г, уложенного у западной стенки могилы, сопровождали железный нож и стеклянная бусина, кожаный пояс с металлическими накладками ромбической формы, обувной набор (две трехсоставные пряжки и два наконечника ремня), в изголовье — подарочный набор². Пояс был уложен слева от погребенного, в расправленном состоянии от плеча вдоль тела. От него сохранились кожаная основа, железные пряжка и накладки, декорированные полугорошинами из цветного металла на медной основе (16 экз.), а также наконечник пояса типа IB (наборный, по Голдиной Р.Д. и Бернц В.А., 2010, с.134). Подарочный набор, располагавшийся справа от черепа, включал типичные для украшений женского костюма этого времени височные подвески мазунинского типа, железную гривну,

2 стеклянные бусины, бронзовые пронизки (37 экз.).

Центральное место в могиле принадлежало женскому костяку В. После разборки древесного тлена, при расчистке костей, обозначились детали богатого костюмного убранства погребенной. Справа, вдоль костяка, был уложен в расправленном виде наборный пояс с металлическими накладками, аналогичными поясу с костяка Г, но более крупных размеров. В области груди сохранились остатки сложносоставного нагрудника, включавшего металлические и стеклянные детали (цветной бисер). В изголовье умершей, справа, был оставлен подарочный набор (бронзовая гривна из круглого дрота (рис.2Б) и свернутая пополам кожаная лента шириной 3 см и длиной 36 см, украшенная 48 бронзовыми накладками-обоймами из тонкой прямоугольной пластины с четырьмя выпуклинами на лицевой стороне). Здесь, как представляется, мы сталкиваемся еще с одним интересным сюжетом, достойным отдельного исследования, а именно присутствием в погребении двух разнотипных головных уборов.

В области черепа был расчищен оригинальный головной убор (рис.2; 3). От него сохранились узкие текстильные ленты шириной 1,5 см, с рядами медных полусферических бляшек (27 экз.; рис.3, 1,2; 5, 1,2). В тыльной части убора находилась железная цепочка с прикрепленными к ней тремя железными трапециевидными подвесками (рис.3, 4,7,8,10; 5, 4,7,8,10). В затылочной части расчищены остатки железного наконечника в виде мешочка для волос, сплетенного из железных колец (рис.3, 11; 5, 11). От убора сохранились также кусочки ткани и меха. Кроме того, в области правого уха зафиксированы оригинальные вязаные косички (рис.3, 9; 5, 9); а под ними — железная ложечковидная привеска (рис.5, 3). С обеих сторон убора находились сложенные попарно довольно крупные железные височные подвески мазунинского типа с бронзовой обмоткой (рис.3, 5,6; 5, 5,6).

Основным типом головных уборов, неоднократно встреченным в мазунинских

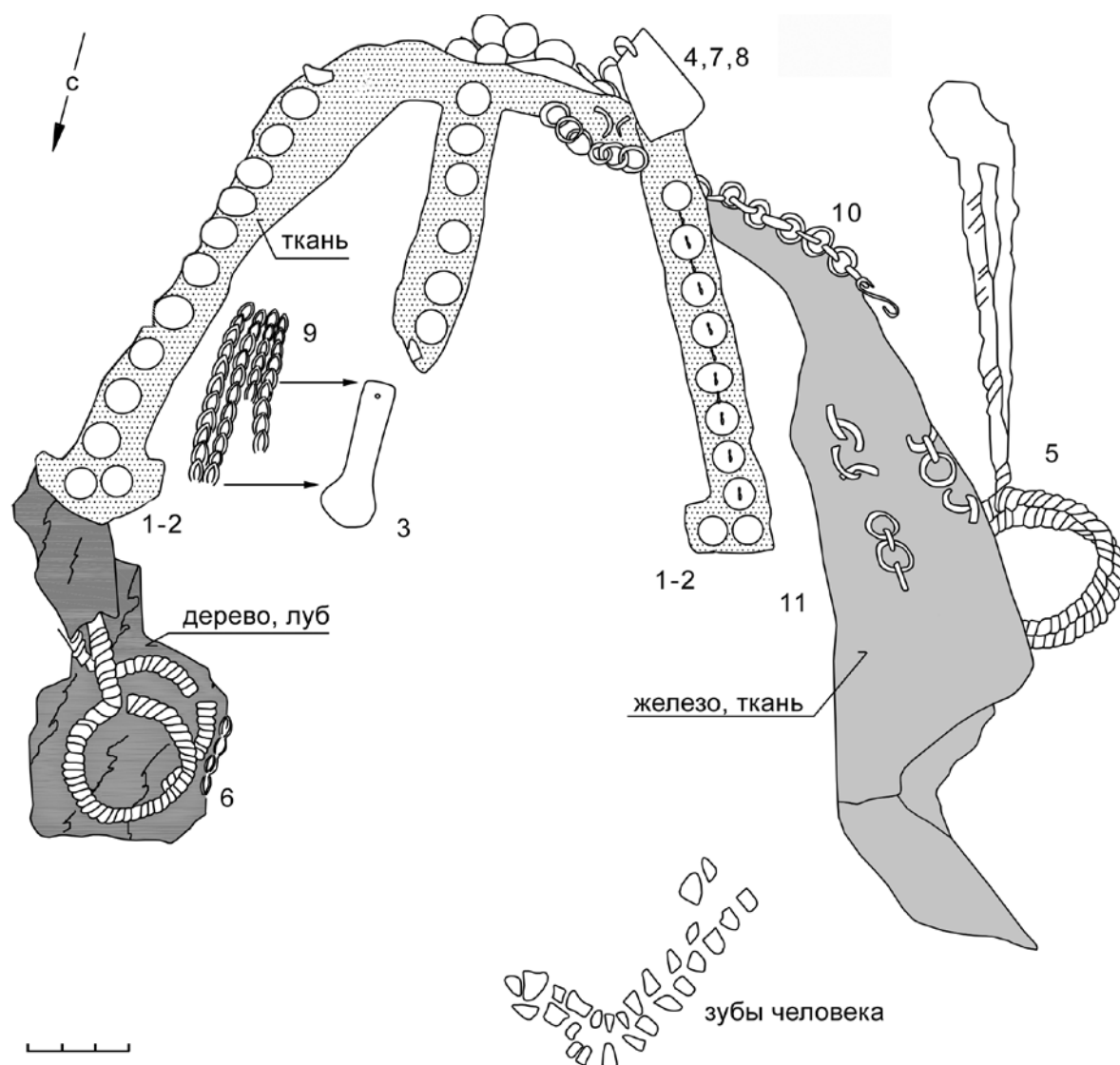

Рис. 3. Дубровский могильник. Прорисовка убора in situ в масштабе 1:10

погребениях, является лента с характерными *пронизками-обоймами* в виде прямоугольных пластин с загнутыми краями, орнаментированными одним или несколькими рядами выпуклин. Иногда, что тоже надежно зафиксировано в погребениях, она являлась налобной, наиболее декорированной, частью полусферической шапочки. Шапочка может дополняться специфическим мазунинским накосником кольчужного плетения (Останина Т.И., 1997, с.36–37). Случаи соединения/включения ленточного головного убора в закрытый (шапочку) неоднократно описаны в этнографии и являются обычными.

Совершенно иначе дело обстоит с другим типом головного убора — высоким с плоским верхом. Находки его столь редки,

что каждая требует самостоятельного рассмотрения и подробного обоснования. Для прикамских древностей уже высказывались предположения о раннем бытовании высоких головных уборов (В.Ф. Генинг, Н.А. Быков, О.А. Арматынская), но без достаточных обоснований.

Впервые археологически достоверно такой убор был найден С.Э. Зубовым на Кипчаковском могильнике (Зубов С.Э., 2000, с.44–51). В погребении 15 сохранились остатки кожаного убора цилиндрической формы с закрытым затылком и ушами. Основным украшением убора являются ажурно-прорезные накладки. Шапочка была разделена на 4 секции-ряда пятью ремешками, сплошь покрытыми обжимными обоймами. Первый верхний ряд состоял

из 15 прямоугольных ажурных накладок, второй — из 8 ромбических ажурных накладок и одной накладки из пяти спиралей, третий ряд состоял из симметрично нашитых справа и слева ажурных накладок четырехугольной формы. Нижний, четвертый, ряд был украшен круглыми бляшками (9 экз.). Головной убор дополняли 12 височных подвесок: 9 спиральновитых, 1 гофрированная и 2 листовидные. С.Э. Зубов считает, что найденные в изголовье и соединенные в ряд ажурные накладки относились к наконснику. Головной убор сохранил затылочную часть, и наконсник остался прикрепленным.

Такие же типы накладок происходят из пьяноборских памятников Башкирии: в погребениях Кушулевского III (возможно; пп. 141, 143, 172), Камышлытамакского (возможно, пп. 35, 50), Старокиргизовского (п.2) могильников они зафиксированы в области черепов. И, хотя характер фиксации материала *in situ* не позволяет делать конкретные выводы об их расположении на головном уборе, полностью исключать вариант бытования в указанных случаях именно высокого убора нельзя.

Возможно, остатки головного убора из Меллятамака I (п. 6), украшенного бисером, пронизками, накладками и просверленными зубами мелких хищников, также можно включить в разряд высоких (около 15 см) головных уборов с плоским верхом. К сожалению, сохранившийся план могилы (Старостин П.Н., 1978, рис.6–6) опять-таки не позволяет детально восстановить расположение украшений.

К типу высоких относится и головной убор из погребения 232 Тарасовского могильника (Голдина, 2003, табл.95–96). Бронзовые круглые бляшки на нем расположены по центру и бокам тремя вертикальными рядами, лобная часть украшений не имеет. Бляшки вытянуты над черепом приблизительно на 20–25 см, выше их, перпендикулярно, расположены ряд бронзовых подвесок, железные и бронзовые цепочки. Расположение украшений позволяет предполагать башнеобразный головной убор

высотой до 25 см, несколько сужающийся кверху, декорированный тремя вертикальными рядами бляшек и горизонтальным рядом подвесок по околышу. В височной области его дополняли украшения из цепочек и подвесок. В погребении найдены фрагменты дерева, кожи, но поблизости от черепа никаких органических остатков не зафиксировано. Можно лишь предполагать, что основа убора была выполнена из войлока. Подобная планиграфия украшений наблюдалась в погребении 28 этого же могильника: бусы *in situ* располагались вертикальными рядами вверх от черепа. Возможно, и в этом случае мы имеем остатки высокого башнеобразного головного убора.

Для реконструкции внешнего облика и формы убора чрезвычайную важность приобретают остатки текстиля, сохранность которых в археологических слоях, как правило, оставляет желать лучшего. В данном случае в нашем распоряжении оказалось сразу несколько фрагментов:

1. Ткань с головного убора (рис.4, 7): обнаружена в области верхней части черепа под медными украшениями. Ткань плотного переплетения, нить Z-кручения. Плотность 12х14 н/см. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

2. Ткань из ЖК (рис.4, 9, 10): расчищена у изголовья с правой стороны. Найдены два фрагмента: первый размерами 12,2х5,1 см был согнут пополам; второй имел размеры 15,4х2,9 см. В обоих образцах использован двойной уточный репс, плотность 8х12 н/см, нить S-кручения. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

3. Нитка для пришивания украшений либо подшивания ткани 2S-кручения (рис.4, 5), слабой крутки, толщиной 2–3 мм. Волокно нитей животного происхождения (шерсть).

4. Фрагменты вязаного (?) / плетеного изделия из 3–5 «косичек» (рис.4, 6; 5, 9): были обнаружены на костях черепа вместе с железной привеской. Нити толщиной 1,0–1,5 мм. Плотность 2х2 н/см.

5. Фрагменты ткани от покрытия (рис.4, 8): обнаружены при расчистке

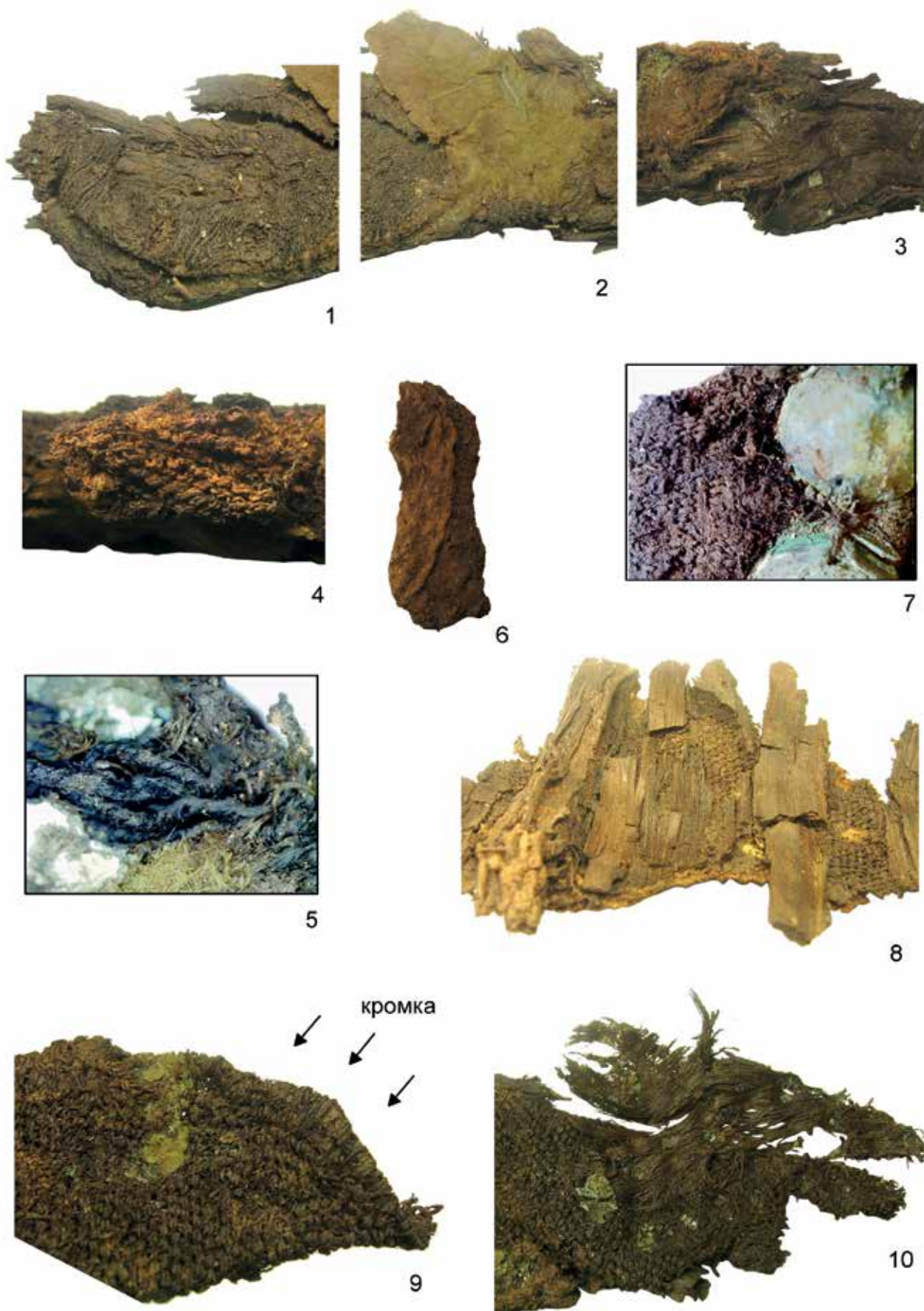

Рис. 4. Дубровский могильник. Фото образцов органики: 1–3 – деталь головного убора (дерево, кожа, ткань); 4–5 – соединительные шнуры, 6 – фрагмент текстиля; 7 – фрагмент ткани с пришитыми медными бляшками; 8 – фрагмент погребального покрытия (дерево, ткань); 9–10 – фрагменты платы

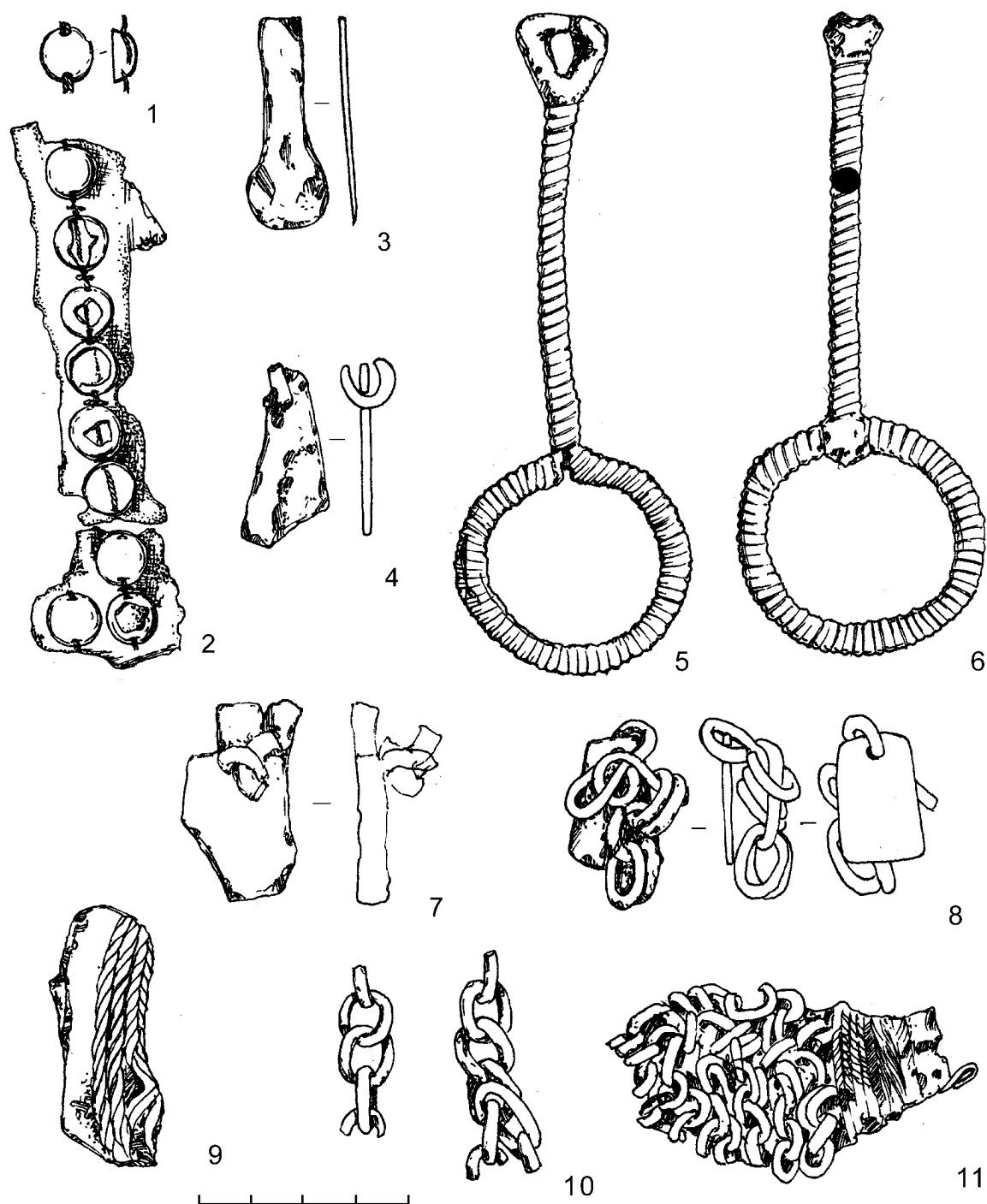

Рис. 5. Дубровский могильник. Детали головного убора:

- 1 – медная бляшка; 2 – тканая лента с медными бляшками; 3, 4, 7, 8 – железные подвески; 5, 6 – железные височные подвески с обмоткой из медной проволоки; 9 – фрагмент ткани; 10 – железные цепочки; 11 – фрагмент наконечника (железо)

древесного тлена над головой умершей. Полотняное переплетение со сдвоенным утком. Крутку нити понять трудно, т. к. нет кромки, но Z не исключена.

6. Куски древесного тлена, луб, кожа, текстиль (рис. 4, 1–3): обнаружены под предметами ЖК; сохранившиеся нити S-кручения.

Столь же значимо для реконструкции убора тщательное полевое документирование находки. Этот контекст не только позволяет конкретизировать детали убранства, но и делает реконструкцию проверяемой. Попробуем оценить нашу находку через наблюдения за взаиморасположением отдельных деталей черепа и убора.

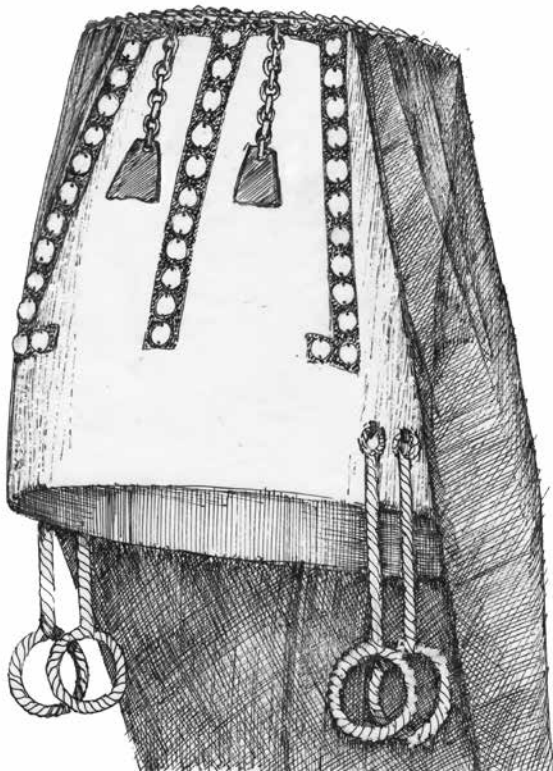

Рис. 6. Реконструкция внешнего вида головного убора из погр.98В Дубровского могильника (рисунки Л.И. Липиной)

1. От костяка сохранились не сместившиеся со своих мест лишь контур тлена и зубы, что позволяет соотнести с ними детали убора.

2. Оценка процесса распада органики позволяет считать, что головной убор, первоначально одетый на голову, оставался целым и сохранял форму дольше мышечных тканей погребенного, впоследствии сместился со своего места вправо вверх.

3. Височные подвески с левой стороны изначально висели на головном уборе парой, были воткнуты в органическую основу без металлических украшений (рис.2Б, 3), отпали первыми, так как оказались перекрытыми фрагментами «кольчужного» плетения (рис.2Б, 4).

4. Остатки истлевшей кожи (?) перекрывали жертвенный комплекс, уложенный рядом с головой умершей (рис.2Б, 1).

5. Лобная часть головного убора разрушилась позже остальных, так как именно она перекрывает жертвенный комплекс.

6. Фрагменты «кольчужного» плетения спеклись складками (рис.2Б, 5), что го-

ворит скорее об их свободном (не жестком, не облегающем) налегании друг на друга в момент археологизации.

7. Фрагменты «кольчужного» плетения налегали непосредственно на органическую основу убора — войлок/луб (рис.2А, 3).

8. Плетеный «валик» (шнур) лежал (рис.2А, 1) выше цепочки «кольчужного» плетения.

9. Бляшки, по 12 экз. в ряду, перекрывали, в свою очередь, плетеный «валик» (шнур) (рис.2А, 4), и цепочку «кольчужного» плетения (рис.2А, 2).

10. Прямые ряды бляшек были закреплены на кожаной основе (рис.2Б, 7). Крайние ряды внизу заканчивались дополнительной бляшкой, обращенной к центру и образующей прямой угол к основному ряду (рис.2Б, 6).

11. Средний ряд бляшек не короче боковых, как это видится на первый взгляд; он просто сильнее сместился в затылочную часть (рис.2Б, 2).

Исходя из выполненных атрибуций и наблюдений за расположением деталей, можно утверждать, что головной убор имел основу из «лубяных волокон» (рис.4, 3), был подбит (?) или покрыт (?) войлоком и тканью (рис.4, 2). Налобная деталь имела плоскую поверхность и трапециевидную форму. Вариант прямоугольника можно исключить на основании расположения бляшек. Верхний край лобной детали был укреплен шнуром(-ами), характер плетения которого хорошо заметен (рис.4, 5; 2А, 1). Фрагменты «кольчужного» плетения крепились на органическом подкладе (ткань (рис.4, 9, 10), кожа), но не имели жесткого каркаса, спускались с головного убора складками наподобие плата. Таким образом, сумма данных позволяет предполагать в нашем случае головной убор с жестким околышем-начельником и мягкой лопастью-покрывалом, внешний вид которого, очевидно, мог выглядеть, как на рисунке 6. Утверждать, составляли ли эти элементы единый убор (были соединены друг с другом), или были двумя самостоятельно одевавшимися деталями, не позво-

ляют имеющиеся данные. Оба варианта равновероятны.

Судя по сохранившимся элементам, описываемый убор из п. 98 Дубровского могильника только внешне напоминал *тиару* скифского типа, но не имел ни затыльника, ни вообще твердой затылочной части. Аналогичное расположение украшений убора из женского погребения 232 Тарасовского могильника как будто убеждает, что вертикальные ряды металлического декора на нем не исключение, а закономерность.

В этнографии зафиксированы комбинированные головные уборы, очевидно,

составленные из ранее (исторически) самостоятельных шапочки и накосника. Составные уборы в виде мягкого чепца, полностью закрывавшего волосы, с твердой от украшений лобной частью отмечены у авар, это как раз с Кавказа — *чохто* ((Сагитова М.Д., 2012), но сопоставлять его нужно с кон. XV в. (Теплякова А.Н., 2014).

Известные в этнографии образцы могут составлять две линии развития: объединение шапочки и накосника и объединение твердого околыша (рудимент *калафа*) и платка-накосника. Видимо, они составляют обособленную группу полутвердых высоких головных уборов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Половозрастные определения погребенных на Дубровском могильнике выполнены к.и.н., научным сотрудником МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) И.Г. Ширококовым; авторы выражают благодарность исследователю за многолетнее сотрудничество.

2. В региональной научной литературе такие наборы принято называть жертвенными комплексами (Останина Т.И., 1997, с.26–27, 31). В настоящее время Р.Д. Гол-

диной предложена иная атрибуция данных комплектов — как подарочных, вслед за московскими археологами, прежде всего И.В. Белоцерковской. Мнение Р.Д. Голдиной не может быть принято по умолчанию. Совершенно очевидно, что необходимо вернуться к осмыслению этого явления в культурах Прикамья с учетом значительно возросшего арсенала источников и познавательных практик.

ЛИТЕРАТУРА

- Бабенко Л.И., 1999. Реконструкция тиары скифского времени из Песочинского курганного могильника // ДА. № 2.
- Бернц В.А., Черных Е.М. Перевозчикова С.А., 2015. Исследования Камско-Вятской археологической экспедиции в Киясовском районе Удмуртской Республики // АО 2010–2013 гг. — М.
- Генинг В.Ф., 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье // ВАУ. Вып. 7. Памятники мазунинской культуры. — Ижевск — Свердловск.
- Голдина Р.Д., 2003. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. 2, иллюстрации. — Ижевск.
- Голдина Р.Д., Бернц В.А., 2010. Тураевский I могильник — уникальный памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть) // МИКВАЭ. Т. 17. — Ижевск.
- Жилина Н.В., 2003. Эволюция филигранного убора по кладкам Старой Рязани // Проблемы древней и средневековой археологии Окского бассейна. — Рязань.
- Жилина Н.В., 2010. Архаический головной убор (археология, этнография, народное искусство) // Stratum plus. №6.
- Зубов С.Э., 2000. Реконструкция женского костюма по материалам Кипчаковского могильника // Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (из истории костюма). Тез. докл. — Самара.
- Красноперов А.А., 2006. Костюм населения чегандинской культуры в Прикамье

- (II в. до н.э. — V в. н.э.) // Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.06. Т. 1, 2. — Ижевск.
- Мастыкова А.В., 2009. Женский костюм Центрального и Западного Предкавказья в конце IV — середине VI в. н.э. — М.
- Мирошина Т.В., 1981. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV—III вв. до н. э. // СА. № 4.
- Останина Т.И., 1997. Население Среднего Прикамья в III—V вв. — Ижевск.
- Сабурова М.А., 1974. Женский головной убор у славян (по материалам Вологодской экспедиции) // СА. № 2.
- Сабурова М.А., 1975. О женских головных уборах с жесткой основой в памятниках домонгольской Руси // КСИА. Вып. 144. — М.
- Сабурова М.А., 1978. Древнерусская мелкая пластика как источник по истории одежды (головной убор) // КСИА. Вып. 155. — М.
- Сагитова М.Д., 2012. Чотхо: этнографический и археологический аспекты изучения // Новейшие открытия в археологии С. Кавказа: Исследования и интерпретации / XXVII Крупновские чтения. Мат-лы междунаrodn. научн. конф. Махачкала, 23–28 апр. 2012 г. — Махачкала.
- Старостин П.Н., 1978. Первый Меллятамакский могильник // Древности Икско-Бельского междуречья / ОНКАЭ. Вып. 2. Работы Татарского отряда. — Казань.
- Степанова Ю.В., 2010. Этнографические материалы для изучения древнерусского костюма Верхневолжья // Stratum plus. № 6.
- Теплякова А.Н., 2014. Редкий тип убора с Сев. Кавказа // Эрмитажные чтения памяти В.Г. Луконина 2007–2012. К 80-летию со дня рожд. / ТГЭ. Т. LXXII. — СПб.
- Черных Е.М., 2014. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. — Казань.
- Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Берниц В.А., 2010. Открытие и исследование нового могильника IV—V вв. на юге Удмуртии // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия человека, природы, общества. — Ижевск.
- Черных Е.М., Карпушкина О.А., Митряков А.Е., Перевощиков С.Е., 2013. Исследования Камско-Вятской экспедиции в Удмуртской Республике // АО 2009 г. — М.
- Шутова Н.И., 1999. Женская одежда средневекового населения бассейна р. Чепцы (по данным раскопок Варнинского могильника 1990–1991 гг.) // Пермский мир в раннем средневековье. — Ижевск.
- Яценко С.А., 1986. Диадемы степных кочевников Восточной Европы в сарматскую эпоху // КСИА. Вып. 186. — М.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакушев Марат Артурович	— к.и.н., заместитель директора по науке Археологического общества Кубани
Берлизов Михаил Павлович	— к.ю.н, доцент кафедры административного и финансового права ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»
Вальчак Сергей Борисович	— к.и.н., н.с. отдела скифо-сарматской археологии ИА РАН
Водолажская Лариса Николаевна	— н.с. Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
Голубев Лазарь Эрвандович	— к.и.н., руководитель экспертной группы Краснодарского краевого отделения ВООПИК
Давыденко Георгий Георгиевич	— соискатель, начальник отдела памятников археологии управления государственной охраны объектов культурного наследия администрации Краснодарского края
Демидов Александр Васильевич	— старший преподаватель Анапского филиала Сочинского государственного университета
Джопуа Аркадий Иванович	— директор Абхазского государственного музея, с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА
Днепровский Кирилл Александрович	— к.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Дударев Дмитрий Сергеевич	— аспирант кафедры всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета
Дударев Сергей Леонидович	— д.и.н., профессор, заведующий кафедрой всеобщей и отечественной истории Армавирского государственного педагогического университета, заслуженный деятель науки Кубани,

	— академик Международной академии информатизации и Общественной академии наук, культуры и образования Кавказа
Зеленский Юрий Викторович	— заведующий отделом археологических фондов КГИАМЗ
Иванов Алексей Владимирович	— начальник экспедиции ООО «Южный региональный центр археологических исследований»
Красноперов Александр Анатольевич	— к.и.н.
Ксенофонтова Ирина Васильевна	— старший научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Меньшикова Юлия Алексеевна	— магистрант кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (Ижевск)
Мунчаев Рауф Магомедович	— член-корреспондент РАН
Невский Михаил Юрьевич	— н.с., Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)
Нечипорук Александр Александрович	— археолог-специалист ООО «Археологическое общество Кубани»
Новичихин Андрей Михайлович	— к.и.н., заместитель заведующего Анапским археологическим музеем по научной работе
Носкова Людмила Михайловна	— к.и.н., заведующая Отделом истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока.
Нюшков Валентин Александрович	— к.и.н., с.н.с. Абхазского института гуманитарных исследований им. Д.И. Гулиа АНА, с.н.с. Абхазского государственного музея
Прокопенко Юрий Анатольевич	— д.и.н., профессор кафедры культурологии и искусств ФГАОУ ВПО «Северо-Кавказский федеральный университет» (г. Ставрополь)
Прокофьев Роман Викторович	— н.с. ООО «Ростовская археологическая экспедиция»

Прокофьева Татьяна Евгеньевна	— н.с. ООО «Ростовская археологическая экспедиция»
Пьянков Алексей Васильевич	— в.н.с. ООО «Западно-Кавказская археологическая экспедиция»
Туаллагов Алан Ахсарович	— д.и.н., заведующий отделом археологии УРАН СОИГСИ им. В. И. Абаева Владикавказского научного центра РАН и правительства РСО — Алания
Усачук Анатолий Николаевич	— к.и.н, в.н.с. Донецкого областного краеведческого музея
Хачатурова Евангелина Анатольевна	— с.н.с. отдела археологических фондов КГИАМЗ
Черных Елизавета Михайловна	— к.и.н., доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии Удмуртского государственного университета (г. Ижевск)
Чхаидзе Виктор Николаевич	— к.и.н., н.с. группы средневековой археологии евразийских степей ИА РАН
Эрлих Владимир Роальдович	— д.и.н., главный научный сотрудник Отдела истории материальной культуры и древнего искусства Государственного музея Востока
Яцюк Денис Анатольевич	— г.с. ООО «Профэксперт»

СОДЕРЖАНИЕ

От ответственного редактора.....	3
----------------------------------	---

АРХЕОЛОГИЯ

<i>Яцюк Д.А.</i> Ольховский курган	4
<i>Водолажская Л.Н., Усачук А.Н., Невский М.Ю.</i> Водяные часы эпохи бронзы: уникальный сосуд срубной культуры из Центрального Донбаса.....	24
<i>Вальчак С.Б., Хачатурова Е.А.</i> Предметы раннего железного века из коллекции Краснодарского музея-заповедника.....	49
<i>Прокофьев Р.В., Прокофьева Т.Е.</i> Раскопки курганного могильника «Невинномысский VI»	58
<i>Нечипорук А.А.</i> Грунтовый могильник первых веков на селище Мухортова Поляна-2 в долине реки Аше.....	67
<i>Иванов А.В.</i> О раскопках кургана на Золотом кладбище	82
<i>Красноперов А.А., Меньшикова Ю.А., Черных Е.М.</i> Об одном редком типе головных уборов древнего населения Прикамья	89
<i>Джопуа А.И., Ньюшков В.А.</i> Изучение позднеантичных и средневековых памятников археологии Абхазии с 2000 г. по 2013 г.	100
<i>Новичихин А.М.</i> Предметы вооружения и конского снаряжения из случайной находки в окрестностях станицы Натухаевской	108
<i>Пьянков А.В.</i> Погребение со створчатыми браслетами из могильника Черноклён в Западном Закубанье	113
<i>Голубев Л.Э., Чхаидзе В.Н.</i> Средневековые кочевнические погребения у хутора Полтавского Краснодарского края	123
<i>Бакушев М.А.</i> Шапсугский погребально-поминальный памятник «Курганная группа «Холодный родник 3»	132

ИСТОРИЯ

<i>Прокопенко Ю.А.</i> Сюжеты иранского искусства в повседневной жизни и культовой практике населения Центрального Предкавказья в V–VIII вв.	154
<i>Зеленский Ю.В.</i> К вопросу о кипчаках дербентских.....	163
<i>Туаллагов А.А.</i> Об одном аланском антропониме.....	165

Демидов А.В. К вопросу об участии французских инженеров
в строительстве турецкой крепости Анапа 176

Дударев Д.С., Дударев С.Л. «Никто не освободился из плена
без величайших затруднений и неприятностей...» (о пребывании у горцев
семей княгинь А.Н. Чавчавадзе и В.И. Орбелиани)..... 182

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

Давыденко Г.Г., Берлизов М.П. Сохранение и государственная охрана
объектов археологического наследия Краснодарского края:
проблематика отдельных аспектов 199

Памяти Александра Михайловича Лескова..... 206

Список сокращений 213

Сведения об авторах 214